

Рассказы

ПЛАЧУЩИЕ ЖЕНЫ¹

Они появились из-за Перевала в большом фургоне, вдесятером: мужчина, женщина, девчонка-прислуга и семеро сыновей-погодков, от девятилетки, который шагал наравне со взрослыми, до грудного младенца. По крайней мере, так рассказывают — дело было во времена первых поселений, и о Плачущих женах в городке прежде слыхом не слыхивали. Но однажды утром жители проснулись, а Понтипи уже тут.

Надолго, впрочем, они не задержались, лишь запаслись провизией и сменили пристяжной подкову. Не сказать, чтобы они сторонились людей, просто им хватало общения между собой. И все ж таки с одного взгляда было ясно, что занимать земли, расчищенные другими, они не станут. Были они как на подбор румяны и темноволося, красивы какой-то дикой, буйной красотой и все вместе напоминали не обычную семью, а скорее отдельное племя или народ. Не знаю, отчего они производили такое впечатление, производили — и все. Даже младшенький, когда местные женщины пробовали его тетешкать. Чудесный был здоровый мальчуган, но, говорят, на руках извивался, что твой енот.

¹ Рассказ «The Sobbin' Women» опубликован в журнале *Country Gentleman* в мае 1926 г.; экранизирован Стэнли Доненом под названием «Seven Brides for Seven Brothers» («Семь невест для семи братьев», 1954). Этот киномюзикл номинировался на пять «Оскаров» и получил один.

Сперва тем дело и кончилось. Приезжие расплатились честной монетой и двинулись своей дорогой в долину Плачущих жен, только это название долина получила позже. Совсем скоро на том месте, где прежде ничего не было, к небу потянулся дымок из печной трубы. Ну а в городе если пошли слухи, то конца-края им не будет. Понтипи жили себе, никого не трогали и хотели, чтобы их тоже никто не трогал, но как раз это обитателей городка и настораживало. В маленьких городах такое бывает, знаете ли.

Поэтому, когда Понтипи приезжали менять бобровые шкурки и иную добычу на продукты и разное нужное в хозяйстве добро, у них так и сяк пытались выпытать побольше, хоть и без особого толку. Вслух недовольства горожане не выказывали, особенно после того случая в таверне, когда Па Понтипи мигом уложил на пол двоих лоботрясов, решивших посмеяться над его меховой шапкой. Впрочем, добрососедских чувств к странной семейке местные тоже не питали. Определенно. Женщины стращали детишек «ужасными Понтипи», мужчины лишь качали головами. А когда семейство заявлялось в церковь — всего-то раз в год, — паству облетал тревожный шепоток, хотя Понтипи занимали самую дальнюю скамью и держались со всем почтением. Однако в те самые воскресенья пастор, читая проповедь, отчего-то непременно сбивался и заикался и, конечно, винил в этом Понтипи. В итоге со временем они превратились в нечто вроде местной легенды: их стали считать дикарями, живущими в долине, словно медведи в лесу. Поговаривали даже, что на зиму они и вправду оборачиваются медведями — сами видите, чего только люди не болтают. И хотя все братья были рослыми и статными, городские барышни обращали на них внимания не больше, чем на глухонемых, разве что, завидев парней Понтипи, с визгом перебегали на другую сторону улицы.

Что обо всем этом думали сами Понтипи, никто не знал, поскольку были они не слишком разговорчивы. Бывало, один из них заметит: «Славный денек», другой отзовется: «И верно», вот и вся беседа. Кроме того, языками чесать им было недосуг: работа в долине не переводилась. Если Ма Понтипи и не хватало общества кумушек, то она ни разу об этом не обмолвилась. Она растила сыновей, старалась дать им какое-никакое воспитание, даром что в глуши жили, а большего от женщины и не требуется.

Однако жизнь не стоит на месте, и вскоре семеро мальчишек превратились в молодых мужчин. Когда Па Понтипи придавило рухнувшим деревом, Ма не пережила кончины супруга и вслед за ним отошла в мир иной. Вокруг похорон вышел скандал: пастора-то братья позвали, но хоронить родителей в городе отказались наотрез: дескать, нечего Ма и Па лежать на кладбище, в тесноте да среди чужих людей, пусть лучше покоятся в долине, где жили. В городке это сочли совсем уж дикостью, но, согласитесь, не так и плохо лежать на холмике с видом на поля, которые сам распахал.

После того в городке решили, что теперь братья — если не все, то хотя бы двое-трое — съедут из долины и сделаются более дружелюбными. А как иначе? Без матери и отца они попросту передерутся между собой. Люди судили и рядили, приводили еще много всяких причин, только ничего из предсказанного не сбылось. Понтипи жили себе в долине, как раньше, а когда появлялись в городе, то вышагивали, гордо вздернув подбородки. И в церкви пожертвований оставляли ровно столько, сколько при жизни Ма и Па, не больше и не меньше. Кое-кто посмеивался, дескать, эти олухи даже считать не умеют, но я так не думаю.

И шло, значит, вроде бы все по-прежнему, да только не все. Во-первых, служанка, нанятая много лет назад,

не могла вести дом так, как Ма Понтипи. Во-вторых, она тоже не молодеда, а скоро и вовсе померла. Братья схоронили ее честь по чести — всегда считали за родную. И хотя земля родила не хуже прежнего, дела в хозяйстве начали идти вкривь и вкось.

Как свойственно мужчинам, братья заметили перемены не сразу — подумаешь, пыль по углам скопилась да вещи валяются где зря, — но после того, как каждый попробовал неделю покашеварить и за своюстряпню вволю наслушался попреков, они поняли: надо что-то предпринять. Долго прикидывали так и эдак — они ведь, Понтипи, не только молчунами были, но и тугодумами, зато если уж что решат, то непременно сделают.

— Олады опять подгорели, — как-то вечером пожаловался за столом Гарри Понтипи, старший из братьев. — Знаете, как нам надо поступить, братья? Мы должны найти женщину, чтоб вела хозяйство. Я могу свалить дерево так, что оно упадет ровнехонько в нужное место. Могу выстрелом в глаз подбить белку на самой высокой ветке. Могу делать все, что положено мужчине, ностряпать мало-мальски сносную еду — не могу.

— Ты прав, братец, — согласился Хоб Понтипи, самый младший из семерых. — Я могу выдубить оленью шкуру лучше индейской скво. Могу бороться хоть на руках, хоть на кулаках и одолею любого силача в округе. Даже на скрипке могу играть, а вот начисто вытирать пыль не могу. Тут женская рука надобна — есть в этом, видать, какой-то фокус. Да, в хозяйстве нужна женщина.

И тогда все остальные братья стали перечислять свои умения, коих было немало, но ни один Понтипи не умел готовить, следить за чистотой и содержать дом в порядке — не мужское это дело, и есть в этом, видно, какой-то фокус. В конце концов все согласились, что хозяйством должна заняться женщина. Только где ее взять?

— А если нанять прислугу? — без особой надежды предложил Осия Понтипи, средний брат.

— Нынче на Востоке где прислугу найдешь? Мы с собой последнюю привезли, — вздохнул Гарри. — Может, с тех пор ей на смену кто и вырос, только мне неохота за Перевал тащиться и гадать, повезет — не повезет.

— Что ж, — подал голос рассудительный Хоб Понтипи, — ничего не поделаешь. Одному из нас придется жениться. И это должен быть Гарри, раз он старший.

Тут все братья чуть не перегрызлись. Гарри, и не помышлявший о женитьбе, взбрыкнул, как строптивый бычок, и переложил обязанность на Хальберта, второго по старшинству, а тот спихнул ее на Харви. Но Харви заявил, что женщины суть тенёта и прельщение — так, во всяком случае, он слышал, — и, стало быть, ни одну из них он на порог не пустит, посули ты ему хоть новый плуг.

Так черед дошел до Хоба, и он тоже сказал, что слышать ничего не желает. Только после того, как парочку стульев разнесли в щепки, а Хобу подбили глаз, сырбор наконец улегся. Однако постепенно братья сообразили: хочешь не хочешь, а ради общего блага кому-то обзавестись женой придется, не то жевать им горелые оладьи до скончания дней. Оставалось лишь выбрать одного из них, но едва начали выбирать, как перепалка разгорелась пуще прежнего.

Наконец все сошлись на том, что для честного исхода нужно тянуть жребий. Хоб зажал в руке соломинки, и, конечно, длинную вытянул Гарри. Вид у него сделался удрученный, но деваться было некуда. Остальные принялись сыпать поздравлениями и шутками, и особенно усердствовал Хоб.

— Ты уж завтра приоденься, — сказал Хоб, довольный, что попался не он. — Постригись, перышки почисти и веди себя культурно, раз ты теперь у нас жених.

На следующее утро Гарри подняли с постели, подстригли, смазали волосы медвежьим жиром, нарядили в лучшую одежду и послали в город за женой.

Поначалу все шло хорошо. На выезде из долины Гарри даже поглядел на свое отражение в ручье и слегка удивился, увидав симпатичного молодого человека. Однако чем ближе он подъезжал к городу, тем сильнее тряслись у него поджилки и тем меньше оставалось решимости выполнить обещанное.

Он попытался припомнить, каким манером Па ухаживал за Ма, но, поскольку дело было еще до его рождения, знать ничего не мог. Тогда он стал по очереди представлять городских девушек, но и тут чем больше старался, тем хуже получалось. Наконец все они слились в его воображении в одну сплошную круговерть, так что перед глазами у него колыхались высокие, буйные заросли рододендронов, цветки в которых вертелись, подмигивали и хихикали, стоило подойти поближе.

— Господи, вот морока-то! — простонал он, утирая лоб рукавом, но в конце концов собрался с духом. — Сделаю предложение первой встречной, будь она красива или страшна, — сказал себе Гарри, весь в поту, несмотря на холодный мартовский день. Сказал и пришпорил коня.

Но первой, кого он встретил в городе, оказалась жена лавочника. Второй стала маленькая девочка в фартучке, а третьей — дочка пастора. Гарри уже совсем собрался с ней заговорить, но та, едва завидев его, пискнула и перебежала на другую сторону улицы, а он так и остался стоять с шляпой в руке, растеряв последнее мужество.

— Клянусь бородой Моисея, ну и тяжкая это работенка — искать себе жену! — пробормотал Гарри. — Пойду-ка я в трактир да промочу горло, может, чего и придумаю.

Там он ее и увидел: она кормила цыплят на птичьем дворе. Звалась Милли; родители отдали ее в услужение, как тогда было принято. И хоть происходила она из хорошей семьи и даже образование имела, хозяева держали ее в черном теле. Была Милли юной и худенькой,

с узким задумчивым личиком, одежду носила латаную-перелатаную, но спину держала ровно, будто выросла в индейском племени. Гарри Понтипи не мог назвать ее ни красавицей, ни дурнушкой, но, пока он глядел через окошко, как Милли кормит цыплят, что-то подсказало ему, что с ней шансов у него больше, чем с другими. Допил он свою порцию и вышел во двор.

— Доброе утречко, девица, — поздоровался он тем густым, низким голосом, за которым мужчины прячут смущение.

— Доброе, парень из-за леса, — дружелюбно отозвалась Милли, глядя ему прямо в глаза. Она ничуть его не боялась, и от этого он еще больше заробел.

— Чудесный сегодня денек, — произнес Гарри громче, намереваясь подвести разговор к делу.

— Для кого как, — вежливо ответила Милли, продолжая кормить цыплят.

Гарри сглотнул.

— Говорят, в такой день хорошо жениться, — выдавил он и опять весь взмок от пота. Он собирался сказать что-нибудь еще, однако на ум ничего не приходило.

Девушка молчала, поэтому Гарри пришлось начать заново:

— Меня зовут Гарри Понтипи. В долине у меня отличная ферма.

— Вот как? — поинтересовалась Милли.

— Да, — подтвердил Гарри. — Отличная, крепкая ферма. И, говорят, из меня выйдет хороший муж.

— Неужели? — Кажется, теперь Милли улыбалась, но Гарри этого не видел, потому что она отвернула голову.

— Да, да, — почти прокричал отчаявшийся Гарри. — А ты что на это скажешь?

— Скажу, что мы слишком мало знакомы.

— Так выходи за меня и познакомимся получше! — проревел Гарри, трясаясь с головы до ног.

— Может, и выйду, если перестанешь орать, — строго ответила Милли, но в эту минуту даже Гарри заметил ее улыбку.

Ну и чудная же парочка предстала перед алтарем: девушка в том самом плохоньком платье, в котором кормила цыплят, — а другого у нее и не было — и Гарри в лучшем наряде, какой только нашелся в его захолустье. Ему пришлось выкупить невесту из услужения у трактирщика за дюжину бобровых шкурок и охотничий нож. Когда пастор их обвенчал, Гарри с облегчением выдохнул:

— Ну, вот мы и женаты. Можем ехать домой.

— Нет, не можем, — возразила Милли. — Сперва зайдем в лавку и купим мне отрез ткани на приличное платье. Может, земли и приданого у меня и нет, но я теперь замужняя женщина, а не девчонка-птичница и не стану носить дранье.

Гарри словно в тумане глядел, как она набрала тканей и разных женских штучек еще на двенадцать бобровых шкурок, а потом ловко сбила цену.

Он задал ей лишь один вопрос — насчет купленной пары туфелек, изящных туфелек с вышивкой:

— У тебя же вроде есть башмаки?

Милли посмотрела на мужа с вызовом.

— Глупенький, — сказала она. — Если я буду носить те башмаки, кто заметит, что у твоей жены красивые ножки?

Гарри призадумался. Ее слова и дерзкое выражение лица прилипли ему по душе, и он засмеялся. Раньше он никогда не смеялся при девушках, но теперь понял, что это может быть приятно.

Уложив покупки в седельные сумки, они отправились обратно в долину. Милли ехала позади Гарри, держась за его спину, и всю дорогу пыталась его вопросами и разговорами, мало-помалу выясняя, что он за человек. Бойкая и куда более умная, чем казалась с виду, она

давно решила, что при первой возможности вырвется из услужения, и все же брак с Гарри Понтипи был делом рискованным.

Однако с каждым его ответом Милли все больше убеждалась, что не прогадала. Тем не менее такой шаг требовал немалой храбрости, ведь ехала она неизвестно куда и, конечно, успела послушаться баек о долине Понтипи. Не то чтобы Милли верила, будто братья действительно живут в берлоге с медведями, но кто его знает?

Наконец они подъехали к дому, и в сумраке она разглядела какие-то неясные тени. «Медведи!» — в ужасе подумала Милли. Сердце у нее ушло в пятки, однако она не выдала своего испуга.

— Гарри, милый, ч-ч-то это там? — спросила она, вцепившись в его куртку.

— А, это мои братья, — небрежно бросил Гарри, и при этих словах на свет вышли шестеро дюжих, изрядно голодных парней.

— Ох, ты не говорил, что у тебя шестеро братьев! — тихонько воскликнула Милли, но без какого-либо укора.

— Совсем вылетело из головы с этой свадьбой, — сказал Гарри. — Ничего, еще насмотришься, мы ведь все вместе живем.

— Ох, — снова негромко выдохнула Милли, — ясно.

Братья по очереди подошли к ней и пожали руку. Каждый из них припас шутку на случай, если Гарри действительно привезет жену, но, глядя на Милли, о шутках почему-то забыли.

И вот ее привели в дом — отличный по тем временам дом, с настоящим стеклом в окнах. Но Милли провела пальцем по подоконнику, и на пальце осталось черное пятно, а на каминной полке она даже вывела в толстом слое пыли свое имя.

— Какой чудесный большой дом! — восхитилась она, слегка закашлявшись.

— Разве что пыли многовато, — сказал Гарри, — но теперь, когда ты здесь...

— Да-да, — ответила Милли и направилась на кухню.

О, на кухне царил страшный кавардак, однако Милли и бровью не повела.

— Какой большой чан с тестом для оладий! — заметила она. — А солонины сколько!

— Это на вечер, — объяснил Гарри. — Мы с братьями любим поесть. Правда, с тех пор как начали стряпать сами, по-человечески, можно сказать, и не ели, но теперь, когда ты здесь...

— Да-да, — сказала Милли и заглянула в постирочную.

Та была по колено завалена полотняными рубахами — на полу высились целые кучи грязного белья.

— Сколько стирки! — пробормотала Милли.

— И не говори, — довольно подтвердил Гарри. — На нас семерых одежда прямо горит, поэтому и стирки, и починки всегда много, но теперь, когда ты здесь...

— Да-да, — отозвалась Милли, нервно сглотнув. — А теперь, ребятки, я буду готовить ужин, так что подите-ка прочь с кухни. Выметайтесь! — со смехом велела она, хотя было ей не до смеха.

Не знаю, что сказала она, оставшись наедине с собой. Знаю, что сказал бы на ее месте мужчина, и Милли, подозреваю, выразилась примерно так же. Наверняка хоть разок да прикинула, сколько денег спрятано у нее в чулке и далеко ли до города. А затем ее взгляд упал на огромный чан с тестом для оладий, и внезапно все это показалось ей страшно забавным, и тогда она расхохоталась. Насмеявшись до слез, Милли нашла чистый носовой платок, высморкалась, пригладила волосы и взялась за работу.

Такого ужина братья не едали много месяцев и в полной мере отдали ему должное. Милли ни словечком не попрекнула их насчет манер, хотя потом-то отвела душу.

А пока она просто сидела и смотрела на Понтипи со странным блеском в глазах. Когда тарелки опустели и братья наелись до отвала, Говард промолвил:

— Миссис Гарри! Миссис Гарри, ты чудо!

— Миссис Гарри, ты просто чудо! — хором подхватили остальные, включая Хоба, и было видно, что говорят они от души.

— Спасибо, — любезно и с достоинством ответила Милли. — Спасибо тебе, Говард, и тебе, Осия, и всем вам, мои братья.

Через три месяца все Понтипи с радостью отдали бы за Милли жизнь, а Гарри — тот едва не целовал землю, по которой она ступала. От бесконечной работы Милли все сильнее худела, сохла и чахла, но ни разу не пожаловалась. Она твердо знала, чего хочет и как это получить, так что просто ждала удобного момента.

Наконец Гарри заметил, как она исхудала.

— Может, присядешь да малость отдохнешь, а, Милли? — однажды предложил он, глядя, как она порхает по кухне, делая полдюжины дел разом.

В ответ она лишь рассмеялась:

— Я готовлю еду для тебя и шестерых твоих братьев, а это, знаешь ли, труд.

Тут Гарри про себя задумался, хоть вслух ничего и не сказал, но затем опять подошел к жене, когда та стирала, и снова, когда она намывала полы — и таяла, таяла на глазах, — и попросил ее передохнуть. В последний раз он даже стукнул кулаком по столу.

— Довольно! — заявил Гарри. — Мы всемером совсем загоняли тебя с этой вечной готовкой, стиркой да уборкой, от тебя только кожа да кости остались. Хватит, пора это прекращать!

— Ах, Гарри, — спокойно отвечала Милли. — Это и так прекратится, и очень скоро. Видишь ли, я в положении, а женщина в положении не может работать в полную силу.

Гарри не сразу пришел в себя от этой новости, однако тем же вечером собрал братьев на совет и выложил все как есть. К тому времени ради Милли они были готовы на что угодно.

Милли незаметно подтолкнула разговор в нужную сторону, и в итоге Понтипи решили, что теперь должен жениться Хальберт, второй по старшинству после Гарри, чтобы его жена взяла на себя часть обязанностей Милли.

Наутро Хальберт привел себя в порядок и отправился в город добывать жену. Домой он возвратился один и в совершеннейшем расстройстве.

— Не хотят они за меня, — мрачно сообщил Хальберт. — Ни одну не уговорил. Ни одну из четырнадцати.

— Отчего же? — удивилась Милли.

— Похоже, они о нас наслышаны, — сказал Хальберт. — Сколько мы всемером лопаем, сколько одежды грязним и все такое прочее. Мол, только последняя дура выйдет замуж за кого-то из такой семейки, и непонятно, как ты, Милли, все это терпишь.

— В самом деле? — сказала Милли, и глаза ее ярко вспыхнули. — Что ж, тогда твоя очередь, Харви.

Харви послушно попытал счастья, за ним Осия и остальные тоже, но все вернулись ни с чем. И тогда Милли на них напустилась:

— Увальни бестолковые, в лес ведет не одна дорожка! Если девицы не идут за вас замуж, когда просите, значит надо сперва жениться, а уж потом спрашивать согласия.

— А как это сделать? — наморщил лоб Харви, самый недотепистый из братьев.

Тут-то и блеснула Милли своим образованием — помните, я говорил, что она образованная была?

— Читала я в одной книжке про римлян — это народ такой. С ними приключилась похожая беда. — И Милли принялась рассказывать о римлянах: как они поселились в стране, где их никто не жаловал — совсем как братьев Понтипи, и как им понадобились жены — со-

всем как братьям Понтипи, и как местные девушки, которые звались не то сабинками, не то слезинками, из-за того что плакали часто, не хотели идти замуж за римлян по доброй воле, и тогда римляне под покровом ночи ворвались в город, выкрали девиц и, плачь не плачь, сделали их своими женами. — И если вы не последуете примеру древних римлян, которых уж давно и на свете нет, то вы мне больше не братья и стряпайте себе сами до конца дней, — закончила она.

У братьев от изумления языки отнялись. Наконец Хоб обрел дар речи и промолвил:

— Стародавние времена — это одно дело, а нынешние — другое. Что, если мы тех девиц привезем, а они будут только плакать да чахнуть с тоски? Что тогда?

— Слушайте меня, — твердила свое Милли. — Я знаю, о чем говорю. Все эти девицы до смерти хотят замуж, а женихов в городе и для половины из них не хватит. Они только о вас и мечтают, я сама сколько раз слыхала. Правда, побаиваются жить в глуши с дикарями и к работе непривычны, ну и каждая стесняется первой уехать от подруг. Если вы женитесь, я возьму их под свое крыло. Есть в округе кто-нибудь, кроме нашего пастора, кто мог бы вас обвенчать?

— Говорят, в город завернул бродячий проповедник, — сказал Хоб. — Перевенчает не хуже любого другого попа.

— Вот и славно, — сказала Милли. — На том и порешим.

Всё провернули в день большого ежегодного бала, который проходил в городке накануне Дня благодарения. С оружием в бальную залу не пускали, его полагалось оставлять за дверьми.

Понтипи раньше не бывали на городских праздниках, поэтому появление всех семерых в компании Милли вызвало немалый переполох. Братья были гладко выбриты и разряжены в пух и прах, да и Милли в ту-

фельках с вышивкой и платье из той самой ткани, купленной в лавке, смотрелась прелестно.

Когда Понтипи вошли, по залу прокатился вздох изумления, а барышни принялись смущенно хихикать, но вскоре заиграла скрипка, начались танцы, игры и веселье, и про братьев забыли. Впрочем, надо сказать, что Понтипи держались очень обходительно — все благодаря Милли — и еще до окончания бала некоторые девушки успели пожалеть, что отказали таким симпатичным парням единственно из-за того, что те живут в медвежьей углу.

Однако долго размышлять девицам не пришлось: как только гостей пригласили к столу, Милли, перекрывая шум и гам, звонко крикнула: «Готовы, ребята?» Все головы повернулись в ее сторону, а в следующий миг шестеро братьев Понтипи набрали полную грудь воздуха и гаркнули в шесть холостяцких глоток: «Готовы!» Внезапно в одной руке у каждого оказалось по винтовке, а в другой — по девчонке. Гарри и Милли в это время держали публику на мушке, чтоб никто не делал резких движений. Все случилось так быстро, что половина народу даже не поняла, в чем дело, пока Понтипи со своей добычей не выскочили за порог и не заперли бальный зал сразу и на ключ, и на тяжелый засов.

Внутри тотчас поднялась суматоха, люди начали колотить в двери руками и ногами, но те были сделаны на совесть и держались крепко. Прострелить замки тоже не вышло, так как Понтипи заранее связали сторожа, который охранял оружие, и закрыли его вместе со всем арсеналом в дальнем сарае.

Уже брезжил рассвет, когда двери наконец поддались. Высыпав наружу, обитатели городка взвыли от досады: на улице сыпал снег, и не просто снег — мела настоящая метель, такая сильная, что собственной руки не разглядеть. В наших местах снег если повалит, так уж

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Плачущие жены. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	7
История про муравьеда. <i>Перевод Е. Романовой</i>	28
Цветы и плоды. <i>Перевод Б. Грызунова</i>	46
Жизнь в баре «У Анджело». <i>Перевод Е. Романовой</i>	63
Преждевременная весна. <i>Перевод Е. Романовой</i>	79
Все сливки. <i>Перевод Е. Романовой</i>	96
Последний легион. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	115
Выпуск Скунера Фэйрчайлда. <i>Перевод Е. Романовой</i>	135
Зажился. <i>Перевод В. Голышева</i>	155
Док Мелхорн и Жемчужные врата <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	176
В Египет. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	202
Не входить. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	216
По всему городу. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	235
Свобода тяжело дается. <i>Перевод В. Голышева</i>	251
ЦВЕТУЩАЯ ЮККА. <i>Роман</i> <i>Перевод А. Хромовой</i>	267